

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-81-97>

EDN: PEWKBO

Научная статья / Research Article

Гендерное измерение теорий социальной справедливости в русской философии: анализ применимости в китайском контексте

Ю. Цао , Т.А. Кострицкая

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 kostritskaya-ta@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу российских концепций социальной справедливости с акцентом на их гендерное измерение и оценке возможностей их применения в современном контексте, включая китайский философский дискурс. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, кризисом либеральных моделей справедливости и ростом интереса к духовно-нравственным основаниям социального порядка, с другой, — развитием исследований, выявляющих патриархатные предпосылки классических теорий. Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительной философии, историко-философский и концептуальный анализ, а также феминистская критика, в том числе критика андроцентризма. В исследовании рассматриваются идеи славянофилов, философия всеединства В.С. Соловьева, светские концепции справедливости и представления современных русских философов, а также работы китайских исследователей, анализирующих соборность, Вечную Женственность и «русскую идею». Показано, что российская традиция формирует оригинальное духовно-нравственное понимание социальной справедливости, основанное на идеях любви, солидарности, взаимопомощи, ответственности и ограниченного применения силы, но одновременно воспроизводит патриархатные модели гендерных ролей и маргинализирует женский опыт посредством отказа от его осмысления в терминах справедливости. Выявлено, что в китайской рецепции эти концепции интерпретируются как альтернативный по отношению к либеральному индивидуализму проект духовно-коллективистской справедливости, при этом их гендерные предпосылки становятся предметом критического переосмысления. Обосновывается трактовка российских теорий справедливости как ценного историко-философского ресурса, который в условиях межкультурного диалога и гендерно-чувствительной критики может быть творчески адаптирован для обсуждения социальной, в том числе гендерной, справедливости в современном Китае. Новизна исследования состоит в соединении гендерного анализа российской философии справедливости с рассмотрением ее китайской рецепции, что позволяет выйти за рамки привычной дихотомии «Запад — Россия» и вписать российскую традицию в трехсторонний диалог «Запад — Россия — Китай». Исследование уточняет место российской

© Цао Ю., Кострицкая Т.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

философской традиции в глобальных дебатах о справедливости и демонстрирует эвристический потенциал гендерно-чувствительной и межкультурной ее интерпретации.

Ключевые слова: российская философия, соборность, духовная справедливость, гендерное равенство, гендерная справедливость, феминистская критика

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность кафедре социальной философии Российского университета дружбы народов за поддержку исследования и обсуждение основных идей работы. Особую благодарность авторы выражают Марине Левенбертовне Ивлевой за ценные рекомендации в ходе подготовки исследования.

История статьи:

Статья поступила 27.09.2025

Статья принята к публикации 23.12.2025

Для цитирования: Цао Ю., Кострицкая Т.А. Гендерное измерение теорий социальной справедливости в русской философии: анализ применимости в китайском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 1. С. 81–97. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-81-97> EDN PEWKBO

Gender Dimension of Social Justice Theories in Russian Philosophy: An Analysis of Applicability in the Chinese Context

Yun Cao , **Taisa A. Kostritskaya**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kostritskaya-ta@rudn.ru

Abstract. The research is devoted to the analysis of Russian theories of social justice with a focus on their gender dimensions and on assessing the possibilities of their application in the contemporary context, including Chinese philosophical discourse. The relevance of the research is determined, on the one hand, by the crisis of liberal models of justice and the growing interest in the spiritual and moral foundations of social order, and, on the other hand, by the development of gender studies, which reveal the patriarchal presuppositions of classical theories. The methodological basis of the research is formed by the principles of comparative philosophy, historical-philosophical and conceptual analysis, as well as feminist critique, including the critique of androcentrism. The study examines the ideas of the Slavophiles, the philosophy of all-unity of V.S. Soloviev, secular concepts of justice, and the ideas of modern Russian philosophers, as well as the works of Chinese researchers analyzing conciliarity, Sophia, the Eternal Feminine, and the “Russian idea.” It is shown that the Russian tradition forms an original spiritual and moral understanding of social justice based on the ideas of love, solidarity, responsibility and the limited use of force, while at the same time reproducing patriarchal models of gender roles and marginalising women’s experience by refusing to understand it in terms of justice. It is revealed that in Chinese reception these concepts are interpreted as a spiritually collectivist project of justice alternative to liberal individualism,

while their gender presuppositions become the object of critical re-interpretation. The article substantiates the interpretation of Russian theories of justice as a valuable historical and philosophical resource which, under the conditions of intercultural dialogue and gender-sensitive critique, can be creatively adapted for discussing social, including gender, justice in contemporary China. The novelty of the research lies in combining a gender analysis of Russian philosophy of justice with an examination of its Chinese reception, which makes it possible to go beyond the usual “West – Russia” dichotomy and to inscribe the Russian tradition into a three-sided dialogue “West – Russia – China”. The research clarifies the place of the Russian philosophical tradition in global debates on justice and demonstrates the heuristic potential of its gender-sensitive and intercultural interpretation.

Keywords: Russian philosophy, sobornost, spiritual justice, gender equality, gender justice, feminist critique

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgement. The authors express their gratitude to the Department of Social Philosophy of the RUDN University for supporting the research and for discussions of the main ideas of the article. The authors are especially grateful to Marina L. Ivleva for her valuable recommendations during the preparation of the study.

Article history:

The article was submitted on 27.09.2025

The article was accepted on 23.12.2025

For citation: Cao Y, Kostritskaya TA. Gender Dimension of Social Justice Theories in Russian Philosophy: An Analysis of Applicability in the Chinese Context. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(1):81–97. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-81-97> EDN PEWKBO

Введение

Актуальность обращения к русским теориям социальной справедливости определяется несколькими пересекающимися контекстами. На глобальном уровне усиливается ощущение кризиса либеральных моделей, неспособных справиться с растущим социальным неравенством и новыми формами уязвимости. На этом фоне возрастает интерес к концепциям справедливости, которые выходят за рамки правового формализма и экономического утилитаризма и связывают социальный порядок с моральными и духовными основаниями. Бурное развитие гендерной критики и феминистской теории заставляет по-новому интерпретировать классическое наследие, выявляя в нем устойчивые патриархатные предпосылки и способы исключения женского опыта из философского дискурса. Наконец, в последнее десятилетие существенно активизировался философский диалог между Россией и Китаем: китайские исследователи обращаются к русской религиозной и социальной философии, к идеям соборности, всеединства, Вечной Женственности и «русской идеи», что позволяет рассмотреть российские концепции справедливости в перспективе межкультурной рецепции.

Цель настоящего исследования — реконструировать ключевые для русской философии концепции социальной справедливости, проанализировав их гендерные импликации с позиций феминистской критики, и выявить, как эти концепции воспринимаются и переосмысливаются в китайской философской традиции.

Методологическую основу работы составляют историко-философская реконструкция, концептуальный и сравнительный анализ российских теорий справедливости, а также методология феминистской критики, включая критику андроцентризма. Дополнительно используется подход межкультурной герменевтики, позволяющий анализировать китайские интерпретации русской философии и соотносить их с собственными социально-политическими дебатами в Китае. К русским концепциям справедливости современные китайские исследователи обращаются в поиске аргументов против крайнего индивидуализма, нравственных оснований общественного порядка, а также как к ресурсу межкультурного диалога. Поэтому данное исследование концентрируется на двух аспектах: реконструкции смыслов в их собственном философском контексте и анализе того, какие акценты смещаются при переводе этих смыслов в китайское поле дискуссий о справедливости. Это поле формировалось на пересечении конфуцианской этики общественной гармонии, проектов модернизации и социалистического опыта, а потому вопрос справедливости здесь неизбежно сопрягается с темами неравенства, политического участия и распределения ответственности. Именно в таком контексте особенно заметно, что гендерное равенство понимается не только как норма и правовое требование, но и как проблема труда по обеспечению заботы и семейной нагрузки. Обращение к российской традиции становится способом уточнения границ понятий, которые, с одной стороны, могут помогать критиковать правовой формализм, а с другой, — непреднамеренно закреплять патриархатные ожидания посредством слияния идеала и конкретных социальных практик. Целью исследования является ответ на вопрос о том, какие элементы традиции сохраняют критическую силу в новом контексте, а какие требуют оговорок.

Российская традиция социальной справедливости: соборность, всеединство и гендерные ограничения

В российской философской традиции понятие справедливости тесно связано с концепцией соборности, которая, в отличие от западного индивидуализма, подчеркивает духовное и социальное единство людей. Эта идея, уходящая корнями в православную традицию и общинный уклад русской жизни, была систематизирована славянофилами XIX в. и развита в философии всеединства В.С. Соловьева.

Ранние славянофилы рассматривали соборность как основу социальной справедливости, противопоставляя ее западному рационализму и юридическому формализму. А.С. Хомяков определяет ее как «единство во

множестве», где свобода личности гармонично сочетается с общинными идеалами [1. С. 326–327]. И.В. Киреевский, в своих философских работах полемизируя с католическим рационализмом и протестантским индивидуализмом, подчеркивает, что подлинное христианское мировоззрение должно опираться не на отвлеченный логический разум, а на внутреннюю цельность духа. Он пишет о необходимости внутренней силы ума, которая «совершает движение мышления» в предметах живого знания и сообщает мысли смысл, неместимый внешним определением, противопоставляя эту цельность западной ориентации на отвлеченно-логическое мышление [2. С. 263]. Для славянофилов социальная справедливость невозможна без духовного преобразования общества, подчинения экономических и политических отношений этическим нормам, укорененным в православной традиции.

Критикуя западные модели справедливости, опирающиеся на индивидуальную конкуренцию и формально-правовое равенство, славянофилы предлагали альтернативу в виде общинного идеала. В ряде исследований подчеркивается, что в раннем славянофильстве русская крестьянская община, обеспечивавшая защиту состоявшим в ней индивидам, служила подобием общинности первохристианства и апостольской церкви, характеризующейся общинностью, отсутствием централизации и иерархичности в сфере организации и управления [3. С. 31]. В таком контексте справедливость понимается не столько как защита формальных прав, сколько как поддержка и забота о слабых членах общины. Славянофилы стремились объединить христианские ценности с национальной идентичностью, предлагая модель общества, в котором свобода и единство не противоречат друг другу.

Соборность представляет собой не просто коллективизм, а качественное единство свободных личностей, объединенных общей верой, нравственными ценностями и стремлением к истине. При этом гендерное измерение справедливости в концепциях славянофилов оставалось непроработанным. Хотя их модель духовного единства формально включала женщин в общинный идеал, на практике она часто воспроизводила патриархатные представления о «естественном» разделении ролей. Женщине отводилась сфера семьи, в которой она находилась в подчиненном положении, и религиозного благочестия. Критика западного «формализма» и «юридизма» обходила вопрос о том, как в условиях приоритета «духовного согласия» могут защищаться права женщин и каким образом голос женщин будет учитываться при формировании этого согласия.

Соловьев, развивая идеи славянофилов, интегрировал соборность в свою философию всеединства. Для него справедливость была неотделима от нравственного совершенствования, при котором материальное и духовное сливаются в гармонии. Философ подчеркивал, что соборность не отрицает личность, а, напротив, раскрывает ее потенциал через единение с другими. В этом смысле его подход близок к современным коммунитаристским теориям с той лишь разницей, что он обращается к религиозно-метафизической основе справедливости.

Соловьева нельзя упрекнуть в игнорировании гендерного измерения в применении к женщинам. Так, в его учении огромное значение приобретает идея Вечной Женственности, мировой души, Софии Премудрости Божьей. Как и многие философы его времени, он прямо высказывался по вопросу женского освободительного движения, и его отношение к нему на первый взгляд может показаться весьма положительным. Так, Соловьев вопрошает: «что можно возразить человеческому существу, которое говорит нам: такая жизнь меня не удовлетворяет, мне этого мало, я не хочу быть только средством для рождения и воспитания других существ, я хочу также жить для себя, имея свою собственную цель?» [4. С. 41]. Но уже в следующем предложении он заявляет, что женщины сами не знают, в чем состоит эта цель. Он отстаивает мысль о том, что они лишь проводники, инструменты воплощения жизненных идей, но не их источники. Обосновывается это в полном соответствии с андроцентричной традицией: патриархатной концепцией рождения. Последняя присваивает женскую способность давать жизнь мужчинам, объявляя женщину «пустым сосудом», который лишь хранит дар жизни [5]. Соловьев отрицает, что физическая способность зачинать и создавать жизнь — это способность женского организма, полностью обусловленная самим его устройством [4. С. 41]. Отрицая принципиальную активность женского тела посредством отказа ему в физической автономии и пытаясь представить проявления этой активности как проявление инструментальности, он распространяет представление о женщине как об инструменте на всю ее историческую роль.

Женщина отождествляется Соловьевым с бессознательным существом, которое не способно преодолеть в себе злое начало. Поэтому она следует за «бесами» (бес «свободной любви», бес политической агитации, бес обожествленного естествознания, бес обязательного безбрачия, бес «экономического материализма» и т. д.) также, как и за божественной истиной.

Высказывания Соловьева о половой любви выражают уважение по отношению к женщинам, и, более того, из них следует признание равноправия женщин. Так, смысл человеческой любви состоит в спасении индивидуальности через жертву эгоизма, а эгоизм состоит не в признании собственного безусловного значения, а в несправедливом отказе в этом признании другим, отказе им в равноправности [6. С. 254–255]. Любовь «фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого» [6. С. 257]. Однако в дальнейшем становится ясно, что в концепции любви Соловьева лишь один субъект: «Как Бог творит вселенную, как Христос созидает Церковь, так человек должен творить и созидать свое женское дополнение» [6. С. 287]. Как отмечает Н.Х. Орлова, на деле женщина в учении Соловьева выступает пассивным «материалом», «женским дополнением», «вечной пустотой», «чистым ничто» и «воспринимающим лоном» для мужского «творческого зиждательного начала» [7. С. 170].

Самым глубинным основанием этой традиции является отказ женщинам в слове. Н.И. Димитрова отмечает, что впитавший идеи Соловьева философско-богословский дискурс России начала XX в. есть мужской дискурс [8. С. 161]. До сих пор крайне сложно найти ответы современниц на его идеи. Женское письмо, утверждающее женские ценности и взгляд на жизнь, в России начало формироваться в 1880-х гг., но литература, «репрезентирующая феминное», существовала с самого начала XIX в. Однако позже в литературной критике известные в то время писательницы были окрещены «бытоописательницами» и вычеркнуты из литературного канона [9. С. 259]. Женщинам было отказано в слове посредством игнорирования их письма. Это означает отказ в праве на оценку того, что справедливо, а что нет. Этот отказ, в свою очередь, говорит о том, что основанные на нем теории справедливости не включают в себя справедливость по отношению к женщинам.

Таким образом, несмотря на кажущееся метафизическое равенство полов в концепции «богочеловеческого процесса», взгляды Соловьева сохраняют элементы патриархатности. Его идеи о «Вечной Женственности» как пассивном начале противоречат заявленному принципу духовного равенства.

Соборность как принцип справедливости сохраняла актуальность и в XX в., особенно в трудах евразийцев. Так, Л.П. Карсавин развивает учение о «симфонической личности»: тварное бытие, по его мысли, есть «симфоническая всеединая личность или иерархическое единство множества симфонических личностей разных порядков», от отдельных людей до социальных целостностей (семьи, народа, церковной общины, всей Церкви и человечества в целом). В этой перспективе справедливость понимается как согласованность свободных личностей внутри таких соборных единств, устремленных к высшей духовной цели [10. С. 98].

Таким образом, российская традиция предлагает уникальный взгляд на справедливость: коллективное благо не подавляет индивидуальность, а раскрывает ее через духовное единство. В отличие от западных теорий, акцентирующих внимание на правах и перераспределении, здесь справедливость — это путь к преобразению общества через нравственность, соборность и любовь. Этот подход, несмотря на свою утопичность, остается важным ориентиром в дискуссиях о социальной справедливости, особенно в контексте поиска альтернатив глобализирующему индивидуализму. Преодоление его андроцентризма способно актуализировать заключенные в нем принципы справедливости, распространив их на женщин, другие культуры и межкультурное взаимодействие.

Осмысление справедливости русской мыслью не исчерпывается религиозной философией соборности и всеединства. Параллельно ей складывалась выраженная светская социально-философская традиция, в которой справедливость связывается с критикой социально-экономической зависимости, бедности и эксплуатации, рассматриваемых в связи с категориями труда, собственности и солидарности. В дискуссиях революционных демократов и

в близких к народнической проблематике проектах справедливость мыслилась как требование реального равенства возможностей, поэтому «женский вопрос» рассматривался не просто как нравственная проблема, но мера того, насколько общественный порядок допускает участие женщин в образовании, оплачиваемом труде и публичной сфере. В этом отношении интересны взгляды Н.Г. Чернышевского, который мыслил современную ему семью как подавляющую личность женщины, полагая, что в текущих обстоятельствах муж обязан ставить жену выше себя во имя будущего равенства. «По моим понятиям женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает всякое неравенство. Женщина должна быть равной мужчине», — писал он в своих дневниках [11. С. 444]. Освобождение женщин Чернышевский видит как обретение ими экономической независимости, равного с мужчинами образования, свободу от семейного угнетения.

В XX в. эта перспектива получает дальнейшую артикуляцию в марксистском дискурсе: женская эмансипация рассматривается как элемент социального освобождения, а критика патриархатной семьи и проблематизация репродуктивного труда выводят вопрос справедливости за пределы нейтральных рассуждений о «благее» и «порядке». В этом отношении большое значение имеет деятельность А.М. Коллонтай, которая полагала идеологию не простым отражением классовых интересов, но ареной по преобразованию межличностных отношений в процессе классовой борьбы. Освобождение женщины поэтому требует прямого воспитания самосознания, и не может быть простым следствием экономических изменений. Простое разрушение буржуазной семьи не означает освобождения. Последнее требует обобществления труда по обеспечению быта и заботы о детях. С этими целями Коллонтай участвовала в проектировании общественных учреждений вроде «Дворца охраны материнства и младенчества» [12. С. 339] в рамках прямой целенаправленной деятельности по трансформации человеческих отношений.

Таким образом, достижение идеала социальной справедливости с точки зрения представителей светской мысли требовало как нравственного преобразования человека, так и изменения общественного порядка, без которого это преобразование невозможно.

Современные российские интерпретации справедливости

Современная российская философская мысль продолжает развивать традиционные концепции справедливости, адаптируя их к вызовам глобализации, постсекулярного общества и новых форм социального неравенства.

Среди ключевых фигур этого направления — А.А. Гусейнов, чьи работы сочетают критический анализ западных теорий с поиском специфически российских подходов, укорененных в идеях соборности, нравственности и социальной солидарности. В своих исследованиях он обращает внимание на связь между социальной справедливостью и нравственным климатом общества. Он рассматривает справедливость не только как принцип распределения благ, но

и как показатель духовного здоровья социума, утверждая, что социальная справедливость подразумевает опору на общую справедливость, которая «совпадает с нравственными основами существования и развития общества и государства и выступает в качестве важнейшего показателя наций, их перспектив» [13. С. 19].

Гусейнов развивает идею «негативной этики», которая фокусируется на запретах, а не предписаниях: непричинение вреда, недопущение эксплуатации, отказ от манипуляций. Эта концепция восходит к кантовскому категорическому императиву, но адаптирована к условиям современного общества. Негативная этика является «формой эмансипации человеческого бытия от сковывающего живую жизнь внешнего нравственно аргументированного регламентирования», она исключает из общественной коммуникации «разговоры о нравственности, апелляции к ней, нравоучительство разного рода». За пределами запретов индивид волен развиваться, творить, искать новые формы межчеловеческих связей без боязни нарушения нравственных законов [14. С. 34].

Особое место в работах Гусейнова занимает этика ненасилия как единственно возможный путь к справедливости [15. С. 73]. Он настаивает на том, что любое насилие, даже оправданное целями перераспределения благ, ведет к деградации нравственных отношений. Философ настаивает на ненасилии как активном действии, в основе которого лежит добродетель мужества, «общечеловеческая добродетель, равно украшающая и женщин, и мужчин», отделенная от войны и связанная с общественной борьбой за социальную справедливость [15. С. 81].

Однако в современной российской философии имеет место быть и критика подобной позиции. Так, С.А. Нижников, сравнивая доктрину «непротивления злу силой» и философию силового противостояния злу И.А. Ильина, указывает на то, что первая превращается в пацифизм, когда распространяет принцип ненасилия на все общество и государство. В качестве примера последствий этого исследователь указывает на политику Временного правительства в России начала XX в., которое, считая себя либеральным и прогрессивным, перестало бороться с проявлениями насилия и призывами к насильственному захвату власти со стороны революционных партий. В результате это попустительство привело к гражданской войне и массовому террору: «здесь уже ничего не остается ни от ненасилия, ни от морали: пацифизм их полностью уничтожает» [16]. Заставление, которое И.А. Ильин понимает как оправданное духом закона и необходимостью применение силы, С.А. Нижников рассматривает как форму силового сопротивления злу и проявление *политики* ненасилия. Исследователь, таким образом, проводит границы между силой и насилием, личным и политическим действием, ориентируясь при этом на понятие гуманистической политики.

Современные российские интерпретации справедливости, таким образом, продолжают традицию синтеза этики и социальной философии. Они

предлагают альтернативу как западному рационализму, так и постсоветскому правовому нигилизму, утверждая, что справедливость — это не только баланс интересов, но и путь к нравственному возрождению общества.

Последние российские теоретические разработки в области справедливости продолжают эту линию. Так, А.З. Черняк, М.Л. Ивлева и А.М. Орехов указывают, что для избегания «институциональных ловушек» при преследовании идеала справедливости необходимо делать акцент на совершенствовании морали. Разработка и внедрение единой программы обучения справедливости и милосердию (учитывающей культурные различия), включая объяснение их принципиального значения для общества и каждого его члена, способна помочь действительному достижению идеала справедливого устройства общества [17. С. 702]. Т.И. Пороховская же подчеркивает важность этики справедливости как противовеса этики прав человека, сосредоточенной на индивидуальных правах и свободах и консервирующей существующий социальный порядок [18. С. 335–336].

При этом в этих дискуссиях гендерный вопрос зачастую обходится стороной, поскольку имплицитно предполагается, что положение женщин и мужчин по отношению к рассматриваемым проблемам является одинаковым. Существующая диспропорция в оплате труда, распределении неоплачиваемого репродуктивного труда, труда по обеспечению заботы¹ и количестве времени, которое в итоге отдают на благо общественного целого женщины и мужчины, полагается несущественной, и тем самым происходит ее нормализация. Негативная этика и акцент на нравственные основания справедливости без осмысления путей позитивной структурной общественной трансформации закрепляют гендерную несправедливость. Для преодоления последней необходимы конкретные проекты институциональных изменений, обоснованные нравственным пониманием справедливости.

Российские концепции справедливости в контексте китайского дискурса: гендерно-чувствительная критика

Гендерно-чувствительный анализ показывает, что при всей привлекательности идеи духовного единства российская философская традиция не смогла последовательно преодолеть патриархатные установки. Концепция соборности, провозглашавшая единство при сохранении индивидуальности, на практике часто означала подчинение женщины традиционным ролям в рамках «духовной иерархии». Это создает серьезные ограничения для применения данных концепций в современном контексте, в котором гендерное равенство является необходимым элементом социальной справедливости.

¹ Женщины и мужчины России. 2024: Стат. сб. М. : Росстат, 2024. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 21.09.2025). С. 94–106, 134–141.

Российские концепции, особенно идеи соборности и духовной справедливости, оказываются близки к китайскому мировоззрению благодаря их акценту на коллективных ценностях и нравственном долге. Славянофильская критика западного индивидуализма здесь перекликается с конфуцианским неприятием «крайнего эгоизма». Однако, как отмечают китайские исследователи русской религиозной философии, эта близость не сводится к абстрактному коллективизму: Цзинь Яна в монографии о культе «вечной женственности» в русской литературе показывает, что соборность и духовная справедливость укоренены в специфической символике женского начала, через которое любовь, жертва и целостность синтезируются в идеал общности [19]. Лян Кунь, анализируя религиозно-культурные истоки культа женщины, прослеживает, как образы Софии, Богородицы и «Матери-земли» формируют представление о нации как о женском теле, требующем самоотверженного служения [20]. Исследователь У Сяоя на материале трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» показывает, что образ «вечной женственности» выступает посредником между двумя мирами, воплощая идею спасения через женскую жертвенность и верность [21]. Цзин Цзяньфэн, исследуя софийную богословскую традицию Русской Православной Церкви, подчеркивает, что понятие Софии связывает истину, красоту и любовь, а соборность мыслится как духовное единение, осуществимое прежде всего в форме «мягкой» любви, а не формально-правового равенства [22]. В китайской перспективе это сближает русские представления о соборности с конфуцианским идеалом «хэ» как нравственной гармонии, но одновременно обнажает их патриархатные предпосылки: женщина мыслится прежде всего как жертвенный посредник между индивидом и общиной.

В китайском контексте рецепция русской философии изначально была неоднородной. Часть понятий входила в интеллектуальный оборот через марксистско-социалистическую мысль и советскую образовательную традицию, другая — через более поздний интерес к русской религиозной философии и «русской идее», воспринимаемой как духовно-коллективистская альтернатива западному индивидуализму. Поэтому одни и те же категории (соборность, духовная справедливость, любовь как основание солидарности) в китайском чтении соотносятся с разными задачами: от обоснования социальной гармонии и коллективной ответственности до поиска морального языка для разговора об уязвимости, неравенстве и социальном доверии. Вместе с тем китайские исследования, уделяющие внимание символике женского начала в русской традиции (София, Богородица, «Вечная Женственность», мотивы жертвенности), позволяют увидеть двойственность такого заимствования. С одной стороны, эти образы придают солидарности ценностный и эмоционально-нравственный смысл, связывая справедливость с заботой, состраданием и целостностью человеческого мира. С другой стороны, при переносе в современную повестку они легко превращаются в мягкое оправдание неравенства, если женственность мыслится, прежде всего, как «служение» и

посредничество, а не полная субъектность и право на политическое участие. Именно поэтому в китайском дискурсе недостаточно говорить лишь о созвучии соборности конфуцианским идеалам гармонии, но принципиально важно различать солидарность как ценность и солидарность как социальный механизм. Последний требует институциональных гарантий равноправия: доступа к ресурсам, карьерным траекториям, публичному представительству, а также механизмов, распределяющих труд по обеспечению заботы и семейную ответственность. Китайская ситуация особенно ясно показывает, что нормативный идеал равенства может сосуществовать с устойчивыми практиками, возлагающими на женщин непропорциональную семейную нагрузку. В этом контексте апелляции к духовному единству и общинной морали становятся социально продуктивными лишь тогда, когда они сопровождаются правилами и практиками, препятствующими превращению «заботы» и «жертвенности» в обязательные ролевые ожидания. Следовательно, применение российских концепций в китайском дискурсе возможно как критически выверенная работа с понятиями: они сохраняют эвристическую силу, когда помогают проблематизировать несправедливость, но требуют переинтерпретации там, где под видом нравственной целостности закрепляется молчание и зависимость женщин. Важно подчеркнуть, что такая критика не «отбрасывает» идею общности, а уточняет условия, при которых общность перестает быть исключительной.

Вместе с тем китайская социально-политическая модель обнаруживает определенное созвучие и с российской философией сопротивления злу силой, в рамках которой обсуждается легитимность применения силы ради защиты порядка. Если сопоставлять данную логику с китайской интеллектуальной традицией, то она оказывается близка к легистской рациональности управления, связанной с категориями «син-мин» / «син-минь» (刑名/形名) и принципом соответствия «имени» и «реальности» мин-ши (名实相符). Речь идет об установлении исполнимого «имени», то есть обязанностей и нормативных предписаний (должностного статуса, правил, обещаний), и сопоставлении этого «имени» с его «реальностью» посредством институционализированных процедур проверки, фиксирующих фактическое поведение, результаты, заслуги и проступки. Благодаря этому поддержание порядка приобретает характер технико-институциональной операциональности и подотчетности. В данной перспективе обоснованность применения силы выводится не столько из абстрактного чувства общинной солидарности, сколько из структуры «ответственность — результат».

Однако рациональность «син-мин / мин-ши» не ведет к справедливости автоматически: она может формально усиливать подотчетность, но содержательно закреплять в институтах уже существующее патриархатное разделение ролей, превращая женскую жертвенность и подчинение в обязательные ролевые функции. Поэтому при применении данной перспективы в современном контексте необходимо включить гендерное равенство в качестве

исходного условия в само конструирование «имени» и в оценку «реальности». Иными словами, институциональные определения «ответственности» и «результата» не должны поддерживать порядок за счет женщины как жертвенного посредника между индивидом и общиной, а обязаны исходить из равного достоинства личности и равенства возможностей как из не подлежащей принесению в жертву нормативной границы.

Российские концепции согласуются с китайским акцентом на прагматической стабильности: китайский прагматизм допускает целенаправленную государственную политику по корректировке гендерных отношений с целью достижения гендерного равенства в интересах социальной стабильности и экономического развития. В этом отношении с китайскими идеями перекликается позиция А.А. Гусейнова, подчеркивающего, что социальная борьба за справедливость является общим делом женщин и мужчин. Она носит нравственный характер и требует активного преобразования отдельной личности. Эти идеи способны дополнить и усилить китайские прагматические концепции, предложив их целям новое обоснование в необходимом духовном развитии каждого человека.

На более широком уровне, как показывает Цзу Чуньмин, в китайском «зеркале» «русская идея» в целом конструируется как духовно-коллективистская альтернатива западному индивидуализму [23], поэтому гендерные образы русской философии, от Софии, «Вечной Женственности», до идеалов женской жертвы, воспринимаются не только как эстетические мотивы, но и как модели коллективной идентичности. С одной стороны, они предоставляют богатый ресурс для критики либерального феминизма, игнорирующего измерение общинной солидарности, с другой, — становятся объектом осторожной феминистской переинтерпретации. В этом смысле китайская рецепция русской философии в ее гендерном измерении носит двоякий характер: признавая эвристический потенциал русских идей любви, жертвы и соборной солидарности, она одновременно настаивает на необходимости критического переосмысления образа женской жертвы и патриархатного разделения ролей.

Заключение

Проведенный анализ показал, что российская философская традиция формирует оригинальное духовно-нравственное понимание социальной справедливости, в центре которого находятся идеи соборности, всеединства, любви, солидарности и личной ответственности. В отличие от большинства западных теорий, акцентирующих внимание на процедурном равенстве и институциональных механизмах перераспределения, российские концепции связывают справедливость с внутренним преобразованием личности и общины, с качеством нравственного климата и готовностью к самопожертвованию ради другого. Эта ориентация позволяет увидеть в российской мысли важный ресурс для критики экономического редуционизма и правового формализма в обсуждении справедливости.

Однако гендерно-чувствительное прочтение этого наследия обнаруживает его серьезные ограничения: высокие идеалы духовного равенства и идеи о Вечной Женственности сосуществуют с устойчивым представлением о женщине как о пассивном «материале» для мужского творчества и нормализацией патриархатного разделения ролей с фактическим отказом женщинам в праве голоса при формулировании критериев справедливости. Показательно, что философия любви и ненасилия, духовной справедливости и этически ограниченной силы редко ставит под вопрос патриархатные структуры как форму символического насилия. В этом смысле российские теории справедливости в их классическом виде не могут быть прямым основанием для гендерно-справедливого социального порядка.

Обращение к китайскому философскому контексту позволяет по-новому оценить как возможности, так и ограничения российской традиции. С одной стороны, в китайской рецепции концепции соборности, Вечной Женственности и «русской идеи» воспринимаются как альтернативный по отношению к либеральному индивидуализму проект духовно-коллективистской справедливости и используются для критики односторонне правовых моделей. С другой стороны, именно китайские исследования подчеркивают, что включенные в эти концепции гендерные образы (женская жертвенность, материнская посредническая роль, символическое «женское тело» нации) нуждаются в критической переинтерпретации, если рассматривать их в контексте современных требований гендерного равенства и официальной политики Китая по реформированию гендерных отношений. Тем самым российская философия выступает не столько готовой нормативной моделью, сколько важным историко-философским ресурсом, расширяющим язык критики несправедливости и дополняющим дискуссию о правах и распределении вопросом о нравственных основаниях солидарности. Однако этот ресурс раскрывается лишь при гендерно-чувствительном прочтении: без него моральная риторика общности легко сосуществует с молчаливым признанием патриархатного разделения ролей. Поэтому дальнейшая разработка темы справедливости требует объединения ценностно-нравственного и институционального измерений как условия принципа равного достоинства, который требует признания женского опыта нормативно значимым.

Перспективы дальнейших исследований связаны, во-первых, с более детальной реконструкцией женских голосов в рамках российской религиозно-философской традиции и анализом того, как их исключение повлияло на содержание теорий справедливости. Во-вторых, с развитием сравнительных исследований, сопоставляющих российские концепции соборности и духовной справедливости с западными феминистскими теориями и современными китайскими дебатами о социальной и гендерной справедливости. Такой трехсторонний диалог между западной, российской и китайской мыслью может способствовать формированию более комплексного понимания справедливости, в котором духовно-нравственное измерение не противопоставляется, а интегрируется с институциональными гарантиями прав и гендерного равенства.

Список литературы

- [1] *Хомяков А.С.* Письмо к редактору «L'Union Chrétienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи иезуита отца Гагарина // Полное собрание сочинений : в 8 томах. Т. 2: Богословские сочинения. М. : Университетская типография, 1886. С. 319–328.
- [2] *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Полное собрание сочинений : в 2 томах. Т. 1 / под ред. М. Гершензона. М. : Путь, 1911. С. 223–264.
- [3] *Коваленко Н.Г.* Соборность как концепт отечественной культуры: от русской философии славянофилов до геополитики евразийцев // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 3 (145). С. 29–37. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.034 EDN: OCZGOP
- [4] *Соловьев В.С.* Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева : в 10 томах. Т. 10: 1897–1900 / под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. СПб. : Просвещение, 1914. С. 34–80.
- [5] *Кострицкая Т.А.* Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 2. С. 134–138. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138 EDN: LCTAGG
- [6] *Соловьев В.С.* Смысл любви. М. : АСТ, 2021.
- [7] *Орлова Н.Х.* Гендерные аспекты софиологии В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2006. № 2 (13). С. 168–173.
- [8] *Димитрова Н.И.* Владимир Соловьев между вечной женственностью и вечной женскостью // Соловьевские исследования. 2006. № 2 (13). С. 159–168.
- [9] *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. EDN: QPGUWZ
- [10] *Карсавин Л.П.* О личности // Религиозно-философские сочинения : в 2 томах. Т. 1. М. : Ренессанс, 1992. С. 3–232.
- [11] *Чернышевский Н.Г.* Дневники // Полное собрание сочинений в 15 томах. М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1939. С. 29–565.
- [12] *Коллонтай А.М.* Первые шаги по охране материнства // Из моей жизни и работы. М. : Советская Россия, 1974. С. 336–340.
- [13] *Гусейнов А.А.* Социальный капитал и нравственный климат общества // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2013. № 2–3 (21–23). С. 17–19. EDN: QZTBLH
- [14] *Гусейнов А.А.* Нравственность в свете негативной этики // Мораль. Разнообразие понятий и смыслов : К 75-летию А.А. Гусейнова / отв. ред. О.П. Зубец. М. : Альфа-М, 2014. С. 13–34.
- [15] *Гусейнов А.А.* Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–82. EDN: QILKJI
- [16] *Нижников С.А.* Противиться ли злу силой: проблема морали в философско-политическом дискурсе // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2023. Т. 3. № 2. С. 21.
- [17] *Черняк А.З., Ивлева М.Л., Орехов А.М.* Идея справедливости как социальная «ловушка» для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 687–706. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706 EDN: NABVST

- [18] Пороховская Т.И. Этика прав человека и этика справедливости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 3. С. 330–337. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-330-337 EDN: ZIDMLP
- [19] 金亚娜. 期盼索菲亚 : 俄罗斯文学中的“永恒女性”崇拜哲学与文化探源. 北京 : 人民文学出版社, 2009.
- [20] 梁坤. 俄罗斯文学传统中女性崇拜的宗教文化渊源 // 中国人民大学学报. 2006. № 3. С. 138–143.
- [21] 武晓霞. 此岸与彼岸的融合——论《基督与反基督》三部曲中的“永恒女性”形象 // 北京航空航天大学学报 (社会科学版). 2011. Т. 24. № 2. С. 75–78. DOI: 10.3969/j
- [22] 景剑峰. 俄罗斯东正教的索菲亚神学传统及其形上学困境 // 基督教文化学刊. 2011. № 25. С. 234–260.
- [23] 祖春明. 中国“镜像”中的“俄罗斯理念”研究 // 中国哲学年鉴. 2023. № 1. С. 262–270.

References

- [1] Khomyakov AS. Letter to the Editor of “L’Union Chrétienne” on the Meaning of the Words “Catholic” and “Sobornyi” on the Occasion of the Speech of Jesuit Father Gagarin. In: *Complete Works*. In 8 volumes. Vol. 2: Theological Works. Moscow: Universitetskaya Tipografiya publ.; 1886. P. 319–328. (In Russian).
- [2] Kireevskii IV. On the Necessity and Possibility of New Foundations for Philosophy. In: *Complete Works*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Put’ publ.; 1911. P. 223–264. (In Russian).
- [3] Kovalenko NG. Sobornost as a Concept of Russian Culture: from the Philosophy of the Slavophiles to the Geopolitics of the Eurasians. *Herald of Vyatka State University*. 2022;(3):29–37. (In Russian). DOI: 10.25730/VSU.7606.22.034 EDN: OCZGOP
- [4] Solov’ev VS. Sunday Letters. In: *Collected Works of Vladimir Sergeevich Solov’ev*. In 10 volumes. Solov’ev SM, Radlov EL, editors. Vol. 10: 1897–1900. Saint Petersburg: Prosveshchenie publ.; 1914. P. 34–80. (In Russian).
- [5] Kostritskaya TA. Denial of Motherhood as an Ideological Basis of the Androcentric Tradition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2022;22(2):134–138. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138 EDN: LCTAGG
- [6] Solov’ev VS. *The Meaning of Love*. Moscow: AST publ.; 2021. (In Russian).
- [7] Orlova NH. Gender Aspects of V.S. Solovyov’s Sophiology. *Solovyov Studies ISPU*. 2006;13(2):168–173. (In Russian).
- [8] Dimitrova NI. Vladimir Solovyov between Eternal Femininity and Eternal Womanness. *Solovyov Studies ISPU*. 2006;13(2):159–168. (In Russian).
- [9] Yukina II. *Russian Feminism as a Challenge to Modernity*. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2007. (In Russian). EDN: QPGUWZ
- [10] Karsavin LP. On the Person. In: *Religious and Philosophical Works*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Renessans publ.; 1992. P. 3–232. (In Russian).
- [11] Chernyshevskii NG. Diaries. In: *Complete Collected Works in 15 volumes*. Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”; 1939. P. 29–565. (In Russian).
- [12] Kollontai AM. First Steps in Protecting Motherhood. In: *From my Life and Work*. Moscow: Sovetskaya Rossiya publ.; 1974. P. 336–340. (In Russian).
- [13] Guseinov AA. Social Capital and the Moral Climate of Society. *Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration. Series: Philosophical, Social and Natural Science*. 2013;(2–3):17–20. (In Russian). EDN: QZTBLH

- [14] Guseinov AA. Morality in the Light of Negative Ethics. In: Zubets OP, editor. *Morality. Diversity of Concepts and Meanings: On the 75th Anniversary of A.A. Guseinov*. Moscow: Al'fa-M publ.; 2014. P. 13–34. (In Russian).
- [15] Guseinov AA. The Ethics of Non-Violence. *Voprosy Filosofii*. 1992;(3):72–82. (In Russian). EDN: QILKJI
- [16] Nizhnikov SA. Shall we resist to Evil by Force? The Problem of Morals in Philosophy-Political Discourse. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*. 2023;3(2):21. (In Russian).
- [17] Chernyak AZ, Ivleva ML, Orekhov AM. Idea of justice as a social trap for Russia. *RUDN Journal of Sociology*. 2022;22(3):687–706. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706 EDN: NABVST
- [18] Porokhovskaya TI. Ethics of Human Rights and Ethics of Justice. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017;21(3):330–337. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-330-337 EDN: ZIDMLP
- [19] Jin Y. *In anticipation of Sophia: philosophical and cultural origins of the cult of the “Eternal Feminine” in Russian literature*. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe publ.; 2009. (In Chinese).
- [20] Liang K. Religious and Cultural Origins of the Cult of Woman in the Russian Literary Tradition. *Journal of Renmin University of China*. 2006;(3):138–143. (In Chinese).
- [21] Wu X. The Fusion of this World and the Other World: The Image of the “Eternal Feminine” in the Trilogy “Christ and Antichrist”. *Journal of Beijing University of Aeronautics and Astronautics. Social Sciences Edition*. 2011;24(2):75–78. (In Chinese). DOI: 10.3969/j
- [22] Jing J. The Sophiological Theological Tradition of The Russian Orthodox Church and its Metaphysical Difficulties. *Journal of Christian Culture*. 2011;(25):234–260. (In Chinese).
- [23] Zu C. The “Russian Idea” in the Chinese “Mirror”. *Chinese Philosophical Yearbook*. 2023;(1):262–270. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Цао Юнь — аспирант кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0006-4180-8323. E-mail: 1042248312@rudn.ru

Кострицкая Таиса Андреевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-5168-149X. SPIN-код: 5113-1507. E-mail: kostritskaya-ta@rudn.ru

About the authors:

Cao Yun — Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 1171986, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-4180-8323. E-mail: 1042248312@rudn.ru
Kostritskaya Taisa A. — PhD in Philosophy, Assistant Professor at the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 1171986, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5168-149X. SPIN-code: 5113-1507. E-mail: kostritskaya-ta@rudn.ru